

Д. Н. Сокиркин

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ИТАЛО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА (1911–1912 гг.)

В настоящей статье рассматривается внешняя политика Англии в период, предшествовавший началу Первой мировой войны. В качестве объекта исследования выбраны британская дипломатия, геополитическая и военная стратегия во время итало-турецкой войны 1911–1912 гг. Прослеживается, с одной стороны, влияние Великобритании на развитие военно-политической ситуации в регионе, а с другой — учет английскими стратегами изменения расстановки сил в Восточном Средиземноморье после победы Италии над Османской империей на фоне стремительно развивавшегося военно-морского противостояния Великобритании и Германии. Анализируются различия во взглядах на стратегические проблемы внутри британской политической, военной и морской элиты. В качестве источников использованы мемуары, дипломатическая переписка, а также донесения российских военно-морских агентов в иностранных государствах. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: итало-турецкая война, военно-морская политика.

Dmitry N. Sokirkin

GREAT BRITAIN AND ITALO-TURKISH WAR (1911–1912)

This article describes English foreign policy before beginning of World War One. The researched subject is the British diplomacy as well as geopolitical and military strategy during the Italo-Turkish war. It is shown on the one hand the Great Britain influence on changing military and political situation in the region and on the other hand — attracting of English strategists attention to the balance of powers in the Eastern Mediterranean after the victory of Italy over the Ottoman Empire on the background of developing Anglo-German naval competition. The difference of opinions inside British political, military and naval elites is analyzed. Memoirs, diplomatic correspondence as well as Russian naval agents reports in foreign states are used as sources. Refs 12.

Keywords: Italo-Turkish war, naval policy.

В зарубежной и отечественной историографии, посвященной международным отношениям периода, непосредственно предшествовавшего началу Первой мировой войны, основное внимание традиционно уделялось дипломатии великих европейских держав. При этом вопросы геополитической и военной стратегии вызывали гораздо меньший интерес. По этой причине целью настоящего исследования ставится восполнение существующего историографического пробела. В качестве главных задач выступают определение и анализ той роли, которую играл средиземноморский регион в стратегии Великобритании в период итало-турецкой войны. Важно понять, каким образом ход военных действий и их результаты повлияли на планы политических, военных и морских кругов в Лондоне, а британская политика, в свою очередь, — на действия противоборствующих сторон.

Средиземное море являлось одним из первостепенных по важности регионов для британских интересов в стратегическом и экономическом отношениях, поскольку именно через него проходил кратчайший путь, связывавший Великобританию с ее индийскими владениями и Австралией. В этом крылась причина того

Сокиркин Дмитрий Николаевич — соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; sokirkin1976@mail.ru

Sokirkin Dmitry N. — post-graduate student, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; sokirkin1976@mail.ru

особого внимания, которое британские правящие верхи уделяли пути Гибралтар — Мальта — Кипр — Суэц. Потенциальными противниками в этом регионе считались Франция, с которой шел спор по колониальным вопросам, и давний соперник в Азии — Россия, важнейшей геостратегической задачей которой было овладение Черноморскими проливами. Британским морским силам, дислоцированным на Мальте, противостояли, соответственно, французская тулонская эскадра и русский Черноморский флот в Севастополе. Однако на рубеже XIX — XX вв. положение изменилось, поскольку на первый план в качестве промышленного и торгового конкурента Великобритании вышла Германия, приступив к строительству сильного военно-морского флота. Для противостояния немецкой угрозе Первым морским лордом адмиралом Фишером было создано в 1904–1906 гг. мощное соединение кораблей непосредственно в водах британской метрополии, в связи с чем половина английских Средиземноморских линейных сил была передислоцирована в Северное море.

В подобной стратегической ситуации важное значение для военно-политического положения и престижа Великобритании в регионе имела позиция других средиземноморских держав, в ряду которых важное место занимала Италия. Англия была заинтересована в военно-морском сотрудничестве с этой страной в смысле использования для защиты своих интересов итальянских морских баз и итальянского флота, а в целом более тесные связи Англии с королевством на Аппенинском полуострове, сопровождавшиеся к тому же улучшением франко-итальянских отношений, вели к ослаблению главного противника Великобритании — Германии.

Геостратегические интересы итальянских правящих верхов сфокусировались на области Триполитания в Северной Африке, бывшей тогда частью Османской империи. В 1911 г. Рим, воспользовавшись благоприятной для него международной обстановкой, начал против последней войну, в которой Англия сразу же заявила о нейтралитете. После этого были задержаны суда, построенные для Турции на одной из британских верфей. Из самой Османской империи были отозваны находившиеся там английские офицеры. Для Италии приостановили продажу угля. Британский Средиземноморский флот в полной боевой готовности сосредоточился на о. Мальта [1, с. 37–40].

Британский статс-секретарь по иностранным делам сэръ Эдуард Грей выразил надежду, что военные действия будут локализованы в Триполитании [2, с. 26]. Он заявил итальянскому послу, что в связи с объявленным нейтралитетом Англия не позволит использовать для военных операций номинально принадлежавший Турции, но фактически оккупированный британцами Египет [3, р. 287, N 254]. В связи с этим командующий итальянским флотом получил указание своего правительства считать нейтральными египетские территориальные воды. При этом министр иностранных дел Италии Титтони выразил английскому послу надежду, что Турции также не будет позволено использовать египетские воды в качестве морской базы [3, р. 286, N 252]. Великобритания выразила аналогичное пожелание воюющим сторонам в отношении столь важного для нее в стратегическом и экономическом отношениях района Красного моря, на что обе ответили согласием.

На желание Англии, чтобы война была локализована в Северной Африке, да и вообще была бы как можно быстрее окончена, повлияли антихристианские настроения среди ее собственных подданных-мусульман. «Чем дальше затянется итало-турецкая война... тем далее будет шириться волна религиозного противухристи-

анского возбуждения мусульман, охватывая... оседлое мусульманское население в... Египте... в Англо-Индии война уже вызвала брожение среди 65 млн мусульман, живущих там» [2, с. 272].

Турецкое правительство еще в самом начале конфликта просило британский кабинет повлиять на итальянцев в сдерживающем смысле. Британский статс-секретарь полагал, что «дипломатическое вмешательство на основе, устраивающей Турцию, рассматривалось бы Италией как недружественный шаг» [3, р. 298, N 268]. Рим поначалу не просил об английском вмешательстве. Однако по прошествии некоторого времени итальянский министр иностранных дел убедился в том, что для «восстановления мира весьма желательно, чтобы Россия, Франция и Англия стоворились между собой и дали сообща уверения их Турции, что они не видят другого исхода, кроме аннексии [Триполитании и Киренаики Италией]» [2, с. 285], выразив надежду, что англичане предпочли бы в качестве соседа Египту именно Италию, а не какую-либо другую державу. Грей считал, что попытка предложить туркам принять итальянские условия не возымела бы действия. Англичане полагали, что делать шаги, изначально не имеющие шансов на успех, — это значит вредить собственному престижу на Востоке. Великобритания, заключившая в 1902 г. соглашение с Италией, признававшее особые интересы последней в Триполитании, не приветствовала планы аннексии этой области. После того как Рим издал официальный декрет об аннексии соответствующих турецких территорий, Грей осудил этот шаг, опасаясь, что следствием его будет продолжение войны. Однако, по словам российского посла графа А. К. Бенкендорфа, в Лондоне «вполне примирились с тем, что Триполи станет более или менее итальянским» [2, с. 333–335], хотя при этом англичан волновали коммерческие вопросы при новом порядке и положение о капитуляциях.

Во время итало-турецкой войны вновь встал на повестку еще один важный вопрос европейской политики, относящийся к средиземноморскому региону. Россия в очередной раз попыталась решить путем переговоров с Турцией свою важнейшую геостратегическую задачу на Ближнем Востоке — вопрос об открытии для русских военных кораблей проливов Босфор и Дарданеллы. Главным инициатором переговоров был российский посол в Константинополе Н. В. Чарыков, который рассчитывал на благожелательное отношение Великобритании к своим проектам, мотивируя это следующим образом: «Что же касается Англии, то она, как известно, сосредоточила ныне свои морские силы в Северном море и предоставила Франции заботу об англо-французских интересах в Средиземном море. Ввиду сего возможность появления в Средиземном море военных судов, принадлежащих к Черноморскому флоту России — союзницы Франции, явилась бы для Англии уже не опасной, а скорее желательной» [2, с. 52]. Британия была в принципе не против открытия Проливов, но для военных судов всех наций, а не только для российских. Грей заявил, что данный вопрос следует обсуждать со всеми державами, и вообще, поскольку идет война, никто не может вступать в новые политические отношения близкого характера с одной из воюющих сторон без определенного ущерба своему нейтралитету [3, р. 321, N 304]. Турки попытались найти выход из создавшейся ситуации, заключив союз с Англией. 31 октября Грею от имени турецкого правительства было официально предложено вступить в переговоры по этому вопросу. Основным и понятным мотивом было стремление турецкой стороны получить официальную поддержку против Италии. Чарыков был убежден в том, что «при всем своем морском могу-

ществе Англия бессильна защитить Турцию на ее границах с Балканскими государствами и на ее малоазиатской границе с Россией...» [цит.по: 4, с. 119]. Грей отклонил это предложение, сославшись опять же на нейтралитет Англии в войне. Британская дипломатия не желала в данный момент открыто выступать против России в вопросе о Проливах, поскольку была заинтересована в ее поддержке на международной арене. В конце концов Грей заявил, что для изменения режима Проливов необходимо согласие всех держав, подписавших договоры 1856, 1871 и 1877 гг., а предоставление русским военным судам права прохода через Босфор и Дарданеллы будет равносильно продолжению угрозы миру в Европе и добавил: «Договоры должны сохранять свою силу при всяких условиях» [5]. И, наконец, 8(21) декабря 1911 г. турецкое правительство официально заявило, что для защиты «своей независимости Турция должна сама оставаться хозяином Проливов, не связывая себя договорами с другими странами» [6, с. 294]. Но ситуация вокруг Проливов вскоре снова стала предметом обсуждений в политических и общественных кругах.

Дело в том, что Турция закрыла Проливы в ответ на перенос итальянцами боевых действий в этот район в апреле 1912 г. В Риме полагали, что непосредственная опасность, грозившая столице Османской империи, сделает турок уступчивее в плане заключения мира на итальянских условиях. Интересно, что план минирования Проливов был составлен в свое время английским адмиралом Вильямсом и английской миссией до их отъезда со службы в начале итало-турецкой войны, о чем говорилось выше, а сама постановка мин была осуществлена со специальных судов, поставленных Турцией Англией. По иронии судьбы, прекращение торгового судоходства через Проливы особенно затронуло английские торговые интересы. Под давлением судовладельцев Грей обратился 30 апреля (13 мая) к турецкому правительству с требованием на какое-то время открыть Проливы, чтобы дать возможность выйти оттуда задержанным судам. Параллельно он попросил Италию воздержаться на это время от боевых действий. 5(18) мая Босфор и Дарданеллы были открыты для торговли нейтральных держав, а Италия перенесла боевые действия в Эгейское море, захватив Додеканезские острова. Российский посол сообщал о том, что «Грей все больше и больше хочет, чтобы мир был скоро заключен» [2, с. 176].

Додеканезские острова играли очень важную стратегическую роль в Средиземноморье, и для того, чтобы понять их значение, следует далее рассмотреть принципы стратегии Великобритании в исследуемый период.

После провала миссии Холдена¹ еще более обострилось военно-морское соперничество Англии и Германии. Первый лорд британского Адмиралтейства сэр Уинстон Черчилль заявил, что Великобритания ни в коем случае не откажется от своего морского первенства, поскольку «на море может быть только один хозяин»² [7, с. 91]. В связи с этим новый британский стандарт силы флота предполагал превосходство над Германией в 60% [8, л. 109].

---

¹ Поездка в Берлин в феврале 1912 г. британского военного министра Холдена имела целью разрешить англо-германские противоречия. Холден вел переговоры с кайзером, канцлером Т. фон Бетман-Гольвегом и морским министром А. Тирпицем. Основной проблемой, помимо вопросов заключения соглашения о нейтралитете и расширения колоний, было военно-морское соперничество. Переговоры не увенчались успехом, главным образом из-за судостроительных планов Берлина.

² В свою очередь Вильгельм II, произнося речь в Гамбурге 21 августа 1911 г., заявил, что именно военно-морской флот должен обеспечить его стране «место под солнцем».

Столь стремительное развитие англо-германского морского соперничества сделало как никогда актуальным вопрос военно-стратегического планирования с учетом менявшейся обстановки на международной арене. В связи с этим Черчилль вскоре после своего прихода в Адмиралтейство создал Морской генеральный штаб (МГШ) для разработки планов операций на море (официальная дата создания — 1 января 1912 г.). Среди важнейших факторов, принимавшихся во внимание специалистами по стратегическому планированию, были количество, состав и дислокация британских кораблей. Между тем Черчилль продолжил начатую еще адмиралом Фишером, в бытность того Первым морским лордом, стратегию перевода британских средиземноморских сил в воды метрополии с целью противостоять непосредственному нападению Германии на Британские острова. Фишер полностью одобрил намерение Первого лорда отозвать с Мальты все линейные корабли додредноутного типа. «Мы не можем обладать всем или быть сильными повсюду. Было бы большой ошибкой иметь значительные силы на второстепенном театре военных действий, не имея подавляющего превосходства на главном» [9, р. 469], кроме того, «английские подводные лодки смогут одни предотвратить захват Мальты» [9, р. 468–469]. Тем не менее Адмиралтейство поставило правительство в известность о том, что в случае войны с Германией или одной из средиземноморских держав, оно не может гарантировать безопасность британских коммуникаций в Средиземном море, пока не прояснится ситуация в Северном.

Германский адмирал Тирпиц довольно категорично и прямолинейно охарактеризовал складывавшуюся для Британии ситуацию: «Вследствие вызванной нами концентрации английских морских сил в Северном море английское господство в Средиземном море и восточно-азиатских водах было фактически сведено на нет» [10].

В связи с этими обстоятельствами, британский дипломат Кроу высказал мнение о том, что следствием сокращения средиземноморских сил может быть укрепление связей Италии с Германией и Австро-Венгрией и отказ ее от прежней политики дружбы со странами Антанты при вхождении в Тройственный союз [3, р. 585–589]. Традиционно британское Адмиралтейство в целом невысоко оценивало австрийский и итальянский флоты, а британское правительство и вовсе полагало, что пребывание Италии в Тройственном союзе лишь ослабляет последний. Но теперь то же Адмиралтейство признавало разумным не сбрасывать со счетов Австрию и Италию, поскольку эти державы начали строить дредноуты, с которыми не шли ни в какое сравнение английские средиземноморские броненосцы «додредноутного» типа.

В свете вышесказанного для Великобритании существовало несколько путей решения «Средиземноморского вопроса»: 1) заключить соглашение с Францией; 2) максимально усилить флот, укрепив таким образом британские позиции как в Северном, так и в Средиземном морях; 3) безоговорочно принять передислокацию, предложенную Адмиралтейством.

В британских военно-политических и общественных кругах взгляды на данную проблему разделились. Форейн офис предсказывал более тесное сотрудничество с Центральными державами Италии, Испании и Турции вследствие «эвакуации» Великобританией Средиземноморья, рекомендуя вступить в соглашение с Францией, чтобы обеспечить защиту британских интересов в регионе. Генштаб исходил из того, что в случае войны Австрия, Италия и Турция могли бы в течение нескольких недель

захватить Мальту, Египет и Кипр. Альтернативой этому было бы усиление береговой обороны или гарнизонов в Средиземном море, но идею эту позднее оставили как требующую слишком больших расходов.

В отличие от армейских стратегов МГШ считал увеличение военно-морских сил наиболее подходящей альтернативой «со всех точек зрения, за исключением материальных соображений», поскольку «французская политика нестабильна и не испытывает особых симпатий к британским интересам, если таковые не совпадают с собственными французскими интересами» [11, р. 291]. Фактический вице-король Египта лорд Китченер противился любому перемещению флота из Средиземного моря, понимая, что данные меры пагубно отразятся на защите вверенной его попечению страны. Но по большому счету, если верить английскому военно-морскому деятелю и впоследствии историку флота Дж. Корбетту, «в умах британцев крепко сидело сознание, что наше мировое положение прямо пропорционально тем силам, которыми мы можем располагать в Средиземном море. Это сознание особенно укрепилось с тех пор, как дорога в Индию прошла через Суэц, а Египет и Кипр сделались подножием империи...» [12].

Между тем французы, допуская возможность войны с Австрией и Италией, считали необходимым полностью сосредоточить свой линейный флот в Средиземном море, поручив защиту атлантического побережья британцам [12]. Адмиралтейство поддерживало этот план, поскольку он совпадал с его собственными намерениями сконцентрировать силы в водах метрополии. В марте 1912 г. адмирал Фишер писал Первому лорду: «...Давайте предоставим заботу о Средиземном море французам, ох, и горяченькое время у них там будет, в этом озере, кишашем подводными лодками! Нам будет лучше держаться от него подальше» [9, р. 437]. Черчилль придерживался той же точки зрения: из-за подводных лодок Средиземное море станет крайне опасным для передвижения британских линейных сил.

Во второй половине мая 1912 г. Комитет имперской обороны пришел к выводу, что с Францией следует заключить соглашения, по которым британский флот взял бы на себя ответственность за оборону северного побережья Франции, а французский флот с помощью достаточного числа британских кораблей добился бы победы над объединенными флотами Италии и Австрии, взяв на себя Средиземноморье [3, р. 594]. 23 июля в Адмиралтействе при участии французского военно-морского атташе был составлен текст соглашения, которое должно было вступить в силу в том случае, если бы Великобритания и Франция стали союзниками в войне. Согласно этому документу Великобритания брала на себя ответственность за соблюдение обоюдных интересов двух держав к востоку от Мальты, в то время как Франция принимала на себя аналогичные обязательства в западном бассейне Средиземного моря. Французский посол в Лондоне Поль Камбон обратил внимание на то обстоятельство, что соглашение не гарантирует Франции защиту ее северного побережья после того, как французский флот будет переведен в Средиземное море, поскольку существовала возможность того, что Англия могла бы отказаться участвовать в войне. По мнению же Черчилля, отказ Британии связать себя обязательствами был абсолютно справедлив по отношению к Франции, поскольку ни одна другая страна не могла мечтать о лучшей дислокации своего флота. Он считал, что французский флот не шел ни в какое сравнение с германским, будучи более эффективным при использовании в Средиземноморье [12].

В сентябре Франция все же сосредоточила свои военно-морские силы в Средиземном море, но притом настаивала, что это лишь временная мера, связанная с маневрами. Камбон заявил Грею 19 сентября, что передислокация не является постоянной, пока Франция, образно выражаясь, не знает, «на каком свете она находится». Он предложил заключить письменное соглашение между двумя правительствами, согласно которому в случае угрозы от третьей державы правительства Великобритании и Франции могли бы консультироваться друг с другом. 22 ноября 1912 г. Грей написал Камбону о том, что и ранее французские и британские морские и военные специалисты часто консультировались, но всегда подразумевалось, что подобные консультации не ограничивают свободу действия представляемых ими правительств. Затем он указывал на то обстоятельство, что хотя дислокация французского и британского флотов не предусматривает совместных действий, однако «если одно из правительств имеет серьезные опасения ожидать нападения или чего-либо, могущего нарушить мир, оно должно немедленно обсудить с другим вопрос: должны ли оба правительства действовать совместно, и если должны, то какие меры общего характера будут приняты» [3, р. 614]. К вышесказанному можно добавить слова Корбетта о том, что «с Россией никакого соглашения не имелось, и таковое в то время было невозможно... Черноморский флот был вне игры» [12].

Между тем итальянский флот, пополнявшийся дредноутами и заявивший о себе в войне с Турцией, стал третьим по мощи в Средиземном море после английского и французского. Когда итальянцы заняли Тобрук, английский посол в Риме сэр Реннел Родд начал придерживаться той точки зрения, что обладание портом Аугуста в Сицилии и Тобруком на африканском побережье увеличивает политический вес Италии, находящейся во враждебном Англии лагере. Располагая морскими базами в Сицилии и на юге страны, а также вновь приобретенными портами в Северной Африке (Триполи, Бенгази, Тобруком), Италия получала возможность контролировать Центральное Средиземноморье в его самой узкой части. Итальянцы отныне могли, как минимум, задержать британский флот, следующий в Индию, а как максимум — полностью преградить ему путь [1, с. 228–229]. Рим отныне опасался, что в случае участия в войне на стороне Тройственного союза против стран Антанты новая колония в Северной Африке, граничащая с британскими и французскими владениями, будет потеряна вследствие военного превосходства Англии и Франции, а сам Аппенинский полуостров будет открыт для нападения. Родд видел выход из создавшегося положения только в заключении соглашения между тремя державами. В этом он был солидарен с Камбоном и Греем. Камбон ввиду захвата Италией Триполи серьезно опасался того, что когда Тройственный союз будет возобновлен, то отдельные его положения теперь будут распространены и на Средиземноморье. Подобная комбинация, вероятно, привлекла бы и Турцию. Французское правительство придерживалось того мнения, что опасность могла быть намного уменьшена, если бы Франция, Великобритания и Италия взяли на себя взаимные обязательства уважать неприкосновенность владений друг друга. Грей полагал, что Италия могла бы согласиться с подобным предложением в обмен на признание за нею Триполи, но пока не закончена война предпринимать какие-либо шаги в данном направлении нельзя. Сам он также поначалу пытался привлечь Италию к соглашению с Великобританией и Францией о взаимной защите общих интересов в Средиземноморье, но когда заподозрил, что итальянцы могут вклю-

чить в подобное соглашение вопрос о Додеканезских островах, то решил, что лучше оставить подобную идею.

Додеканезские острова, оккупированные весной 1912 г., стали важной опорной базой итальянского флота. Английский посол в Испании констатировал, что занятие этих островов сделало Тройственный союз хозяином в Восточном Средиземноморье. Посол отмечал, что ни Кипр, ни Мальта отныне не в состоянии дать отпор флоту неприятеля, и, следовательно, Египет и дорога в Индию становятся открытыми для удара со стороны Германии. Адмиралтейство также докладывало о том, что данная ситуация представляет опасность для британских военно-стратегических интересов в Восточном Средиземноморье. Появилась своего рода морская альтернатива Багдадской железной дороге!

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы.

Хотя, по словам Грея, итальянский ультиматум Турции, который сопровождался объявлением войны, оказался «неожиданным для всех» [3, р. 296], русский морской агент в Лондоне полагал, «что Италия приступила к занятию Триполи с молчаливого, но дружественного согласия британского правительства» [2, с. 37–40]. Его коллега, военно-морской агент в Австро-Венгрии и Италии пошел в своих выводах еще дальше, указав на то, что «увеличивающееся подозрение Англии к Германии... дали Италии возможность действовать... Англии, ввиду ее соперничества с Германией, не было никакой цели противодействием восстанавливать против себя общественное мнение Италии... и... Италия пошла войной на Турцию с общего согласия Европы» [2, с. 108].

По большому счету, итальянская политика Грея была составляющей его германской политики. Осознавая, что главную опасность для их страны в Европе представляла Германия, британские верхи желали использовать войну, чтобы оторвать Италию от союзников, опасаясь каким-либо образом вызвать недовольствие Рима.

Великобритания выступала за скорейшее завершение военных действий, тем более, что они вызвали со временем общее недовольство исламского мира против христиан, что было крайне нежелательно для Англии, у которой были многочисленные подданные-мусульмане, а также за локализацию конфликта, что, кстати, позволило Турции затягивать войну, чтобы добиться более почетных и выгодных условий мира.

Определенным испытанием на прочность для Тройственного согласия стал вопрос о Черноморских проливах. Великобритания повела в данном случае свою традиционную политику противодействия устремлениям России, и главным образом вследствие занятой британцами позиции переговоры окончились для нее неудачей.

В отношении военно-стратегического аспекта рассматриваемой темы можно констатировать, что британская средиземноморская стратегия в указанный период обуславливалась в конечном счете общей ситуацией в Европе и в первую очередь дальнейшим нарастанием англо-германского антагонизма. Вследствие усиления германского флота и неудачи попыток прийти к дипломатическому соглашению по назревшим морским вопросам Великобритания принимает новый стандарт морской силы и создает Морской генеральный штаб. Антанта, бывшая до сих пор формально лишь соглашением по колониальным вопросам, начала приобретать черты военного союза и еще более четко обозначилась ее антигерманская направленность. В резуль-

тате англо-французского морского соглашения с осени 1912 г. британское господство в Средиземноморье во многом зависело от поддержки французского флота.

Итало-турецкая война сделала еще более острым для британского правительства вопрос о балансе сил в Средиземноморье. Вследствие членства Италии в Тройственном союзе ее усиление в Восточном Средиземноморье автоматически означало нарушение равновесия сил в пользу Германского блока в этом регионе.

Серьезной проблемой для Великобритании стал вопрос о захваченных итальянцами в ходе войны стратегически важных портах на побережье Северной Африки и Додеканезских островах в Эгейском море. Триполитанские порты были важны для безопасности британских коммуникаций и Суэцкого канала. Статус Додеканезских островов был важен для Великобритании, особенно в свете значительного сокращения ее Средиземноморского флота. Британские политики пытались нейтрализовать опасность, с одной стороны, пытаясь заключить соглашение с Италией, а с другой стороны, настаивая на возвращении островов Турции.

В конечном же счете, несмотря на внешнее упрочение Тройственного союза по окончании итало-турецкой войны, она же способствовала дальнейшему расхождению Италии со своими союзницами и вступлению страны в Мировую войну на стороне Антанты.

В целом период итало-турецкой войны с новой остротой выявил противоречия между великими державами перед Первой Мировой войной.

Источники и литература

1. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1, т. 3. Д. 3288.
2. Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и временного правительства в 1878–1917 гг. (МОЭИ). М.: Гос. изд-во политической литературы, 1938–1940. Сер. 2. Т. 18, ч. 2. 420 с.
3. British Documents on the Origins of the War. 1898–1914 (B.D.). London: Printed and published by His Majesty's Stationery Office, 1926–1938. Vol. 9, part 1. 873 p.
4. Лунева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 256 с.
5. Речь. 1911. 29 нояб. (12 дек.).
6. Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 386 с.
7. Бедариде Ф. Черчилль. М.: «Молодая гвардия», 2006. 457 с.
8. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1315.
9. Fear God and dread nought : the correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone / selected and edited by Arthur J. Marder. Vol. 2. London: Cape, 1956. 328 p.
10. Тирпиц А. Воспоминания. Интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/memo/german/tirpitz/index.html (дата обращения: 23.12.2012).
11. Marder A. From the Dreadnought to Scapa Flow: The Royal Navy in the Fisher Era, 1904–1919. Oxford: Oxford University Press, 1961, Vol. 1. 410 p.
12. Корбетт Дж. Операции английского флота в первую мировую войну. Интернет-сайт «Военная литература» (Милитера). URL: www.militera.lib.ru/h/corbett/index.html (дата обращения: 23.12.2012).

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2013 г.